СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово Председателя правления, Генерального директора АО «НСПК» — Оператора платежной системы «Мир» В. В. Комлева IV

Вступительное слово руководителя проекта «Ржев 1942. Первый летний успех», директора фонда «Я помню» А. В. Драбкина V

Лекционный курс «Ржев 1942. Первый летний успех» на YouTube-канале Дмитрия Пучкова VIII

ГЛАВА 1
ОПЕРАТИВНАЯ ОБСТАНОВКА НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ 1

ГЛАВА 2
ПОДГОТОВКА К НАСТУПЛЕНИЮ 24

ГЛАВА 3
В БОЙ ИДЕТ КАЛИНИНСКИЙ ФРОНТ 86

ГЛАВА 4
В БОЙ ИДЕТ ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ 150

ГЛАВА 5
ПРОРЫВ КО РЖЕВУ 237

ГЛАВА 6
30-Я АРМИЯ ПРОРЫВАЕТСЯ ЗА ВОЛГУ И В РЖЕВ 298

ГЛАВА 7
СРАЖЕНИЕ ЗА ПЛАЦДАРМЫ И ОСВОБОЖДЕНИЕ КАРМАНОВО 374

ГЛАВА 8
ФРОНТ ЗАМИРАЕТ 424

ВЫВОДЫ 477

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 500

ПРИЛОЖЕНИЕ 2 504

ПРИЛОЖЕНИЕ 3 506

ПРИЛОЖЕНИЕ 4 518

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 521

Командиры Красной Армии, принимавшие участие в разработке и проведении Ржевско-Сычевской операции 526

Немецкие командиры, принимавшие участие в отражении советского наступления 589

Алфавитный указатель 604

Вступительное слово Председателя правления, Генерального директора АО «НСПК» — Оператора платежной системы «Мир» В. В. Комлева

В последние десятилетия началось восстановление России после политического и экономического краха, пережитого ею в связи с развалом СССР. Память о победе в Великой Отечественной войне консолидирует наше общество, является одной из его моральных опор, дает ему силу и устойчивость, веру в будущее.

Особо ценными становятся неизвестные или малоизвестные страницы героического прошлого. Истории о людях, подвиг которых по разным причинам не получил освещения в советское время, был окончательно забыт или получил негативную трактовку в эпоху безвременья.

Таким подвигом является Ржевско-Сычевская операция войск Калининского и Западного фронтов, проведенная в августе–сентябре 1942 года. Перед вами первое в отечественной историографии исследование, в комплексе рассматривающее эту операцию советских войск и ее результаты. Авторский коллектив проделал огромную работу по восстановлению хронологии сражения, взвешенно, с опорой на документы обеих сторон, определил причины только частичной его успешности. Появление этой книги закладывает основы исторического подхода к очень непростой теме высоких потерь Красной Армии.

Проведенное исследование позволяет с уверенностью сказать, что летнее наступление на Ржев — пример беззаветной преданности, мужества и стойкости бойцов и командиров Западного и Калининского фронтов, многие из которых заплатили своей жизнью за освобождение нашей Родины.

Владимир Валерьевич Комлев

Вступительное слово руководителя проекта «Ржев 1942. Первый летний успех», директора фонда «Я помню» А. В. Драбкина

Эта книга — плод работы не одного десятка людей. Прежде всего, следует упомянуть Алексея Волкова, который много лет занимался поиском погибших советских бойцов и командиров на местах боев под Ржевом, а затем кропотливо собирал документы обеих противоборствующих сторон из фондов российских, американских и немецких архивов, переводил последние на русский язык при поддержке Виктора Крауса. Именно усилия Алексея Волкова заложили базу, на которой Алексей Стаценко создал основное описание хода Ржевско-Сычевской операции. Его дополнили тексты Алексея Исаева, рассказавшего о месте операции в планах советского командования на летнюю кампанию 1942 года, Дмитрия Хазанова о действиях авиации, и Николая Смирнова о противостоянии советской и немецкой пропаганды. Отдельно необходимо отметить работу Василия Карасева, который фактически повторил текст книги в графике, по тем же самым источникам нарисовав подробные карты операции. Владимир Сидоров составил аннотированный список командиров РККА, принявших участие в сражении. Неоценимую помощь в создании доступного для чтения текста оказал Алексей Пекарш.

Объемный труд, включающий в себя книгу, лекционный курс и документальный фильм, невозможно было бы выполнить без мощной финансовой поддержки. Мы выражаем нашу признательность АО «НСПК» оператору платежной системы «Мир», а также сотням неравнодушных людей со всей страны и из-за рубежа, принявших участие в краудфандинге на страницах сайта «Я помню». Огромную благодарность авторы выражают Дмитрию Пучкову и YouTube-каналу TacticMedia, не только разместившим у себя лекционный курс, но и позволившим на своих ресурсах рассказать о проекте.

Со своей стороны мы сделали все от нас зависящее, чтобы выполнить работу в заявленный срок и на высоком профессиональном уровне.

Приступая к работе, мы столкнулись с рядом вопросов, которые не имеют однозначной трактовки в историографии, а именно — в какие сроки и какими силами проводилась операция. Мы приняли решение ограничить ее рассмотрение действиями 30-й, 39-й, 31-й, 29-й, 20-й и 5-й армий. Такое решение основано на изученных документах штабов КалФ и ЗапФ — так, на карте «Примерный план Сычевско-Ржевской операции», составленной 1 сентября 1942 года, нанесены действия 30-й, 31-й и 20-й армий. Действия 39-й армии на ней не отражены, поскольку она вступила в бой позднее, после формирования из частей 30-й и 58-й армий, а вот отсутствие на карте 29-й армии выглядит довольно странно[1]. Участие 5-й армии в операции во многом осталось на периферии нашего внимания, поскольку она наносила вспомогательный удар, а по боевому и численному составу в 5–6 раз уступала 20-й или 31-й армии. Тем не менее, исключать 5-ю армию из рассмотрения нельзя, поскольку она принимала активное участие в освобождении райцентра Карманово. Как составную часть Ржевско-Сычевской операции следует рассматривать операцию «Венера» 39-й армии по ликвидации Коростелевского плацдарма, проведенную в конце сентября 1942 года.

Известный исследователь Ржевской битвы Светлана Александровна Герасимова в своей работе[2] включает 33-ю армию в состав участников операции и, более того, предлагает именовать операцию «Ржевско-Сычевская (Гжатская)». Авторы считают, что Гжатско-Вяземское оперативное направление, на котором действовала 33-я армия, необходимо рассматривать отдельно. Перед армией ставились самостоятельные цели и задачи, решить которые она не смогла. Кроме того, даты начала наступления 33-й армии (13 августа) и ее перехода к обороне (7 сентября) подтверждают отсутствие связи ее действий с действиями армий, вовлеченных в Ржевско-Сычевскую операцию. Возможно, сентябрьские действия 20-й, 33-й и 5-й армий следует выделять в отдельную Гжатскую операцию, что следует из доклада командующего ЗапФ генерал-полковника И. С. Конева Ставке 5 сентября[3]. Однако, этот вопрос выходит за рамки данного исследования и требует отдельного изучения. На данный момент мы включили действия 20-й и 5-й армий в рассматриваемую операцию.

Срок проведения Ржевско-Сычевской операции нами определен с 30 июля по 30 сентября. Если дата ее начала вопросов не вызывает, то дата окончания является спорной, поскольку завершение активных боевых действий не произошло одномоментно. Некоторые авторы считают датой окончания Ржевско-Сычевской операции 23 августа[4], а немецкие источники утверждают, что атаки советских войск, постепенно затухая, продолжались до середины октября[5]. Как минимум уровень потерь армий в период 20 августа — 1 сентября не позволяет говорить о завершении операции. Авторам видится, что именно 30 сентября, как момент перехода 30-й армии к обороне[6], является датой окончания операции, и здесь мы полностью согласны с С. А. Герасимовой.

---

1. ЦАМО РФ, Ф. 208, Оп. 2511, Д. 2303, Л. 3.
2. Герасимова С. А. Ржев 42. Позиционная бойня. – М.: Яуза, 2007.
3. ЦАМО РФ, Ф. 48а, Оп. 3412, Д. 143, Л. 198–200.
4. Россия (СССР) в войнах второй половины XX века (под ред. Г. Ф. Кривошеева). – М.: Триада-фарм, 2002.
5. Гроссман Х. Я бил маршала Жукова. Ржевский кошмар. – М.: Яуза, 2013. – С. 91.
6. ЦАМО РФ, Ф. 354, Оп. 5806, Д. 81, Л. 59.

Артем Владимирович Драбкин

Лекционный курс «Ржев 1942. Первый летний успех» на YouTube-канале Дмитрия Пучкова

Лекции по истории Ржевско-Сычевской операции читают авторы книги:

Алексей Волков

Николай Смирнов

Дмитрий Хазанов

ГЛАВА 1
ОПЕРАТИВНАЯ ОБСТАНОВКА НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ

Ржевско-Вяземский выступ линии фронта в 150–200 км к западу от Москвы образовался в ходе контрнаступления Красной Армии зимой 1941–1942 гг. Тогда немецкая группа армий «Центр» сумела удержать крупный дорожный узел город Ржев. Существование вражеского плацдарма, столь близкого и удобного для прыжка к советской столице, было безусловно неприемлемым, и в Генеральном штабе и Ставке ВГК неоднократно прорабатывались и осуществлялись операции по его ликвидации. В книге речь пойдет о летнем наступлении на Ржев, получившем название Ржевско-Сычевской операции, или первой Ржевско-Сычевской операции.

Наступление войск КалФ и ЗапФ в районе Ржева нельзя рассматривать в отрыве от общей стратегической обстановки на советско-германском фронте летом 1942 года и планирования советским Генштабом летней кампании в целом. Понять ход тех событий возможно только в контексте состояния вооруженных сил сторон и существовавших на тот момент принципов ведения операций и тактических воззрений. Под Ржевом воевала КА образца именно 1942 года, которая существенно отличалась как от той, что приняла первый удар на западной границе в июне 1941 года, так и от той, что закончила войну в Берлине в мае 1945 года.

Несмотря на захват инициативы в ходе контрнаступления под Москвой, в полной мере воспользоваться этим успехом советскому коман-

дованию не удалось. Понесенные потери вынуждали свернуть наступательные операции по всем фронтам, и обстановка в этот момент находилась в состоянии неустойчивого равновесия. При этом речь идет не только и не столько об известных эпизодах вроде гибели в апреле под Вязьмой 33-й армии генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова, а об общем истощении сил и ударного потенциала.

Чаще всего, характеризуя советское планирование летней кампании 1942 года, приводят высказывание будущего маршала А.М. Василевского, в описываемый период исполнявшего обязанности начальника Генштаба. Он писал: «Критически оценивая теперь принятый тогда план действий на лето 1942 года, вынужден сказать, что самым уязвимым оказалось в нем решение одновременно обороняться и наступать»[1]. Однако это сильно упрощает реальную ситуацию — с формальной точки зрения, на лето 1943 года план советского Верховного командования тоже предусматривал комбинацию обороны и наступления, но он принес Красной Армии гораздо больший успех.

Обсуждение замысла кампании в советской Ставке проходило практически синхронно с аналогичными заседаниями в Берлине — в конце марта 1942 года. В основу планирования была заложена идея проведения ряда наступательных операций на всех трех стратегических направлениях: Северо-Западном, Западном и Юго-Западном. Сказать, что этот план был амбициозным — фактически не сказать ничего: ближайшей стратегической целью кампании предусматривалось достижение рубежа Нарва — Даугавпилс — Гомель — Запорожье[2]. Кроме того, на южном фланге войска КрымФ должны были выйти из позиционного тупика и прорваться к Перекопу, тем самым сняв блокаду с Севастополя.

Дальнейшие планы в тот момент не детализировались, но на мартовской карте оперативного управления ГШ предполагался выход на границу СССР. Однако это были самые общие наметки оперативных замыслов, целью которых было обоснование текущих планов (почему наступать надо именно в указанных направлениях), а не перспективное планирование как таковое. Известные слова приказа НКО от 1 мая 1942 года за подписью И.В. Сталина — *«…добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения Советской земли от гитлеровских мерзавцев!»* — также не следует трактовать

чересчур широко. «Полного» и «окончательного» освобождения советской территории приказ прямым текстом не обещает — «год освобождения» скорее обозначает вектор усилий, восстанавливать контроль над территорией СССР. Учитывая территориальные потери 1941 года, такой подход представляется более чем обоснованным.

Вместе с тем, не вызывает никаких сомнений, что замысел Ставки был наступательным и преследовал самые решительные цели. Замысел кампании разрабатывался на карте оперативного управления ГШ КА в конце марта, а к началу мая он был изложен в записке, исполненной заместителем начальника оперативного управления генерал-майором Ф. М. Исаевым и озаглавленной «Оценка обстановки и общие соображения о летней кампании 1942 года».

В документе предполагалось проведение ряда стратегических наступательных операций силами групп фронтов, и наиболее интересным в контексте нашего повествования является Западное направление. Здесь войскам КалФ и ЗапФ совместно с левым крылом СЗФ предписывалось ударом по сходящимся направлениям на Оршу осуществить окружение главных сил группы армий «Центр» в Ржевско-Вяземском выступе, а левым крылом ЗапФ продвигаться на Жлобин и Гомель.

Негативные результаты реализации принятых весной 1942 года решений впоследствии заставляли открещиваться от них многих непосредственных участников событий. Так, бывший командующий ЗапФ маршал Г. К. Жуков при описании в мемуарах мартовского совещания в Ставке завершил повествование следующими словами: *«Не успел я доехать до штаба фронта, как мне передали директиву о том, что с сего числа Калининский фронт выводится из моего подчинения и переключается в прямое подчинение Ставки, а главное командование Западного направления, которое я возглавлял, ликвидируется. Мне, конечно, было понятно — это за то, что не согласился с решением Верховного относительно ряда упреждающих наступательных операций наших войск»*[3].

Однако, как сейчас известно, директива Ставки ВГК № 170355 появилась на свет не в конце марта, а 3 мая 1942 года, а потому в мемуарах маршала имеет место явная аберрация памяти. Директива обозначала реорганизацию управления войсками на Московском направлении: *«Западное направление считать ликвидированным, а Калининский фронт без 31-й армии*

с 12:00 5 мая сего года подчинить непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования»[4]. Демонтаж воссозданного 1 февраля 1942 года Западного направления мог быть связан со сворачиванием операций зимней кампании, но его привязка к неким дискуссиям в Ставке о сочетании наступления и обороны представляется недостаточно обоснованной.

По директиве Ставки ВГК № 170361 от 7 мая 1942 года войска КалФ и ЗапФ должны были завершить начатые зимой операции по разгрому ржевско-вяземской группировки немцев и захвату Смоленска.

10 мая 1942 года Жуков представил Сталину соображения о дальнейшем ведении операций на Московском направлении:

«После разгрома юхнов-гжатско-вяземской группировки противника ориентировочно 20 июня намечаем провести Рославль-Брянскую операцию. Цель операции — разгромом рославль-брянской группировки противника и выходом на линию ст. Приднепровская — Рославль — Брянск разъединить смоленскую группировку противника от брянско-орловской. Для проведения операции привлечь 50-ю, 19-ю и 16-ю армии, усиленные за счет освободившейся части сил после разгрома юхно-гжатско-вяземской группировки... Одновременно с данной операцией Западного фронта желательно начать правофланговыми армиями Брянского фронта операцию по разгрому орловско-брянской группировки противника в направлении Карачев — Орел»[5].

Действительно, БрянФ еще по директиве Ставки ВГК № 170285 от 20 апреля 1942 года получил задачу подготовить наступательную операцию с целью разгрома орловской группировки противника путем нанесения двух сходящихся ударов: одного из района юго-западнее Белева и другого из района Новосиль в общем направлении на Орел. Перед нами план операции двух фронтов, нацеленный на восстановление позиций, утраченных в сентябре–октябре 1941 года, с началом немецкой операции «Тайфун». Как немецкие войска под Ржевом, так и группировка противника под Орлом и Брянском создавали угрозу и советской столице, и левому флангу ЗапФ.

Таким образом, списывать принятые весной 1942 года решения исключительно на волюнтаризм Верховного Главнокомандующего Сталина было бы некорректно. Да, безусловно, часть вины за нереалистичное планирование кампании лета 1942 года лежит персонально на Сталине.

Но столь же несомненно, что планирование кампании в целом осуществлялось Генеральным штабом. Негативные последствия принятых решений являлись следствием общей недооценки противника и переоценки своих возможностей. В какой-то мере это было связано с преувеличенной оценкой понесенных противником потерь. Также в Генштабе была допущена ошибка в оценке соотношения сил, исходя из количества соединений на фронте (оно было обозначено как 1,8:1 в пользу советских войск). Советская дивизия сокращенного штата и немецкая пехотная дивизия, сохранявшая прежнюю штатную организацию, были неравноценны по своему составу.

Вместе с тем, вышесказанное не следует интерпретировать как «историю творят двоечники», которые сплошь и рядом ошибались. Оптимизм относительно соотношения сил объяснялся произошедшей в марте 1942 года сменой парадигмы военного строительства. Постановление Государственного комитета обороны № ГКО-1229сс от 1 февраля 1942 года предусматривало формирование новых 50 стрелковых дивизий и 100 курсантских бригад с готовностью первой очереди из 25 стрелковых дивизий и 50 курсантских бригад к 15 июня 1942 года и второй очереди из 25 стрелковых дивизий и 50 курсантских бригад — к 1 октября 1942 года. Решение, привычное по 1941 году, когда волны «перманентной мобилизации» в конечном итоге позволили переломить ситуацию на фронте в свою пользу. Постановление выглядит как ход в том же направлении. Однако уже через несколько недель следует ход в обратном направлении. Постановлением Государственного комитета обороны № ГКО-1457сс от 16 марта 1942 года раскручивание маховика формирований останавливается: *«Прекратить немедленно формирование новых дивизий и бригад, предусмотренных постановлением Государственного Комитета Обороны за № 1229 от 1 февраля 1942 года»*[6]. Как объяснялось в самом постановлении, связано это было с тем, что фронты жаловались на качество поступающего пополнения. Соответственно было решено использовать рядовой и командный состав для восстановления выводимых с фронта соединений. Вливание пополнений не на фронте, а в тылу, на переформировании, все же обещало более планомерное дообучение пополнения в имевших боевой опыт подразделениях. Снятие же с округов большой нагрузки по формированию стрелковых дивизий и бригад давало возможность больше сосредоточиться на обу-

чении маршевых рот, направляемых в действующую армию. Это было не изолированное решение, а комплекс мер по повышению качества стрелковых соединений. Приказом НКО № 052 в тот же день, 16 марта 1942 года, в штат стрелковой дивизии вводится отдельный учебный батальон, численностью 600 человек, для подготовки сержантского состава.

С другой стороны, было бы странно ожидать резкого отказа от ранее успешно опробованных решений. Постановление ГКО № 1295сс от 16 февраля 1942 года «О формировании танковых бригад в феврале, марте и апреле месяцах 1942 года» требовало *«обязать ГАБТУ КА — тов. Федоренко — сформировать в феврале, марте и апреле месяцах с. г. 120 танковых бригад по 46 танков в каждой бригаде, из них танков КВ — 10 шт., танков Т-34 — 20 шт. и танков «Т-60» — 16 шт.»*. Это решение уже никто не отменял.

Практика показала удовлетворительную готовность танковых бригад. В дневнике заместителя начальника ГАБТУ по политической части армейского комиссара 2-го ранга Н. И. Бирюкова еще 2 февраля 1942 года отмечается: «Заложить 120 танковых бригад. Заложить заранее и обучать пехоту»[7]. Нельзя не отметить слово «заложить» — словно речь идет о корабле на стапеле. В целом можно констатировать, что советское Верховное командование предпринимало ряд серьезных шагов по повышению качества войск — это если и не оправдывает, то объясняет оперативные расчеты Генштаба КА, сделанные весной 1942 года.

Тогда же, в марте 1942 года, принимается новый штат стрелковой дивизии КА № 04/200. Численность личного состава дивизии выросла с 11 626 до 12 795 человек. Артиллерийский полк был усилен третьим дивизионом в составе двух батарей, одной 76-мм орудий и одной — 122-мм гаубиц. Соответственно количество 76-мм дивизионных пушек выросло с 16 до 20, а 122-мм гаубиц с 8 до 12. Дивизион «катюш» из штата стрелковой дивизии исключался — практика показала, что системы залпового огня эффективны при массированном применении. Вес залпа дивизии вырос незначительно, с 922 кг (штат № 04/750) до 1050 кг (№ 04/200).

Количество минометов калибров 50-мм, 82-мм и 120-мм осталось практически неизменным. Определенным недостатком организации советской стрелковой дивизии этого периода была централизация минометов. Это часто лишало эффективной поддержки пехотные подразделения.

Впоследствии минометные батальоны полков и минометные дивизионы стрелковых дивизий были ликвидированы, а минометы переданы в роты, батальоны и полки. Однако закреплено это будет уже осенью 1942 года.

Усиление противотанковых возможностей стрелковой дивизии по мартовскому штату 1942 года шло практически исключительно за счет противотанковых ружей. Их количество выросло с 89 штук по декабрьскому 1941 года штату до 279 штук по штату № 04/200, т. е. сразу на 190 единиц (!). Реальные возможности противостояния танкам противника это, конечно, не сильно увеличивало. Количество ручных пулеметов в штате № 04/200 было увеличено до 352 (сразу +101 по сравнению с предыдущим штатом), станковых — до 114 (+6), пистолетов-пулеметов до 655 (+73). Разумеется, большим вопросом было заполнение этих штатов. Летом 1942 года под Ржевом существовали стрелковые дивизии, располагавшие примерно 250–300 противотанковыми ружьями, 350 ручными пулеметами, но 100 и больше станковых пулеметов были недостижимым идеалом. Справедливости ради нужно отметить, что нехватка пулеметов частично компенсировалась пистолетами-пулеметами, которых в стрелковых дивизиях КА под Ржевом имелось до 800–900 штук.

Действительно тектонический сдвиг произошел в формировании самостоятельных танковых соединений. Опыт зимней кампании 1941–1942 гг. показал, что танковые бригады, даже объединенные по две-три под одним командованием, не могут заменить полноценные механизированные соединения. Обсуждение проблемы велось с декабря 1941 года. Однако, как свидетельствует запись в дневнике Бирюкова от 11 декабря 1941 года: «*От корпусов пока воздержаться. Не поднимем*». В итоге к разговору вернулись в конце марта 1942 года. Принимается решение формировать танковые корпуса, являвшиеся аналогом советских и немецких танковых дивизий 1941 года, несмотря на наименование «корпус». Первые четыре корпуса формировались директивой НКО № 724218сс от 31 марта 1942 года из двух танковых бригад и одной мотострелковой бригады. Директивой НКО № 724485сс от 15 апреля 1942 года количество танковых бригад в корпусе увеличилось до трех. По приказу НКО № 00106 от 29 мая 1942 года вместо смешанных танковых бригад корпуса формировались в составе одной тяжелой (53 танка, позднее 51 танк: 24 КВ и 37 легких танков) и двух средних танковых

бригад (65 танков: 44 Т-34 и 21 легкий танк) численностью 181–183 танка. Летом 1942 года в штат корпусов ввели тыловые части (роты подвоза), мотоциклетный батальон и разведывательный батальон (20 БТР «Универсал», полученных по ленд-лизу, и 12 бронемашин). Гвардейский минометный дивизион (8 БМ-13), заложенный в штат летом 1942 года, по факту корпуса до конца 1942 года не получили. Гаубичной артиллерией 122–152-мм корпуса не оснащались и в артиллерийском отношении оставались слабее немецких подвижных соединений. Всего с апреля до сентября 1942 года были сформированы 25 танковых корпусов (14 в резерве Ставки и 11 на фронтах). Они должны были стать эшелоном развития успеха, развивать тактический прорыв в оперативный и сокрушать подтягиваемые врагом резервы. В составе ЗапФ на 1 августа 1942 года числилось шесть танковых корпусов, а вот КалФ танковых корпусов не имел.

Принятые весной 1942 года меры с целью накопления стратегических резервов привели к следующей диспозиции. Действующая армия к концу июня 1942 года состояла из 54 общевойсковых армий, одной танковой армии и двух оперативных групп. Все эти армии были объединены в 10 фронтов. В резерве Ставки Верховного Главнокомандования находилась одна танковая армия и формировалось еще десять общевойсковых резервных армий. Для их формирования с фронта выводились на доукомплектование утратившие ударные возможности стрелковые дивизии вместо создания с нуля новых, как в 1941 году.

11 апреля командующий ВВС КА генерал-лейтенант А. А. Новиков назначается заместителем наркома обороны по авиации. С первых дней вступления в должность под его руководством началась реорганизация структуры центрального аппарата ВВС, авиационных объединений, соединений и частей. Было решено вместо существовавших до этого ВВС фронтов и ВВС армий создать воздушные армии на каждом из действующих фронтов, как крупные авиационные оперативные объединения, обеспечивая массирование авиации фронта на главных направлениях действий войск, централизацию управления и повышение эффективности ударов авиации.

Предложения А. А. Новикова, его заместителя генерала Г. А. Ворожейкина и начальника штаба генерала С. А. Худякова обсуждались в Кремле

и получили поддержку. Ставка ВГК приказала Генеральному штабу и командованию ВВС проводить все изложенное в жизнь, и приказом наркома обороны от 5 мая 1942 года была создана 1-я воздушная армия. В документе говорилось: *«В целях наращивания ударной силы авиации и успешного применения массированных авиационных ударов объединить авиасилы Западного фронта в единую воздушную армию, присвоив ей наименование 1-й воздушной армии»*[8]. Уже 10 мая во исполнение приказа наркома обороны СССР вышел приказ войскам КалФ, потребовавший реорганизовать ВВС фронта в 3-ю воздушную армию.

Первым командующим 1-й воздушной армией назначили Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Т. Ф. Куцевалова, 3-ю воздушную армию возглавил Герой Советского Союза генерал-майор М. М. Громов. В те дни также усилили руководство ВВС на данных направлениях опытными кадрами. Так, заместителем Громова назначили Героя Советского Союза полковника А. Б. Юмашева, начальником штаба — полковника Н. П. Дагаева, уже успевшего проявить себя и награжденного в начале 1942 года орденом Красного Знамени.

По просьбе командующего войсками ЗапФ генерала армии Жукова, оставшегося недовольным работой генерала Куцевалова в начале лета 1942 года (в отличие от боев на реке Халхин-Гол, где командующий ВВС 1-й армейской группы не только успешно, по мнению Георгия Константиновича, справился с должностными обязанностями, но также лично участвовал в боях, имел победы, за что и получил Звезду Героя), командующим 1-й воздушной армией с 17 июня 1942 года назначили генерал-майора С. А. Худякова, т. е. вернули обратно, хотя его должность называлась теперь иначе.

В начале лета 1942 года было сделано многое для повышения качества серийных советских самолетов и моторов, увеличения защищенности техники и экипажей в бою, замены дефицитных материалов доступными, улучшения оборудования, например, радиостанций, количество которых неизменно возрастало. Но, судя по имеющимся материалам и документам, особое внимание в Ставке ВГК уделялось вопросам увеличения количества выпускаемой техники и ритмичной подготовки для фронта молодого пополнения, а также создания крупных резервных соединений. В Кремле отлично понимали, что в ходе грядущих летних боев наши по-

тери окажутся немалыми и их будет необходимо восполнять, усиливая войска на важнейших направлениях.

Собрав все справки от директоров авиазаводов, нарком авиапромышленности А. И. Шахурин направил 1 августа, «в порядке отчета», письма И. В. Сталину и Г. М. Маленкову, сообщив о полном выполнении планового задания за июль 1942 года по всем типам самолетов, а по учебным машинам — даже на 114%. За месяц было выпущено 2224 самолета, включая 1835 боевых, а ВВС облетали и приняли как готовые к бою 1869 самолетов — для сравнения отметим, что авиапромышленность Германии к середине 1942 года также смогла несколько нарастить выпуск самолетов, однако сдала в июле лишь 1360 самолетов, включая 1140 боевых. Из писем следовало, что месяц от месяца наблюдался уверенный рост практически по всем важнейшим отчетным позициям НКАП[9]. При этом основные усилия люфтваффе немецкое командование переносило на южные направления, максимально усиливали группу армий «Юг» и взаимодействующий с ней 4-й воздушный флот — в нем сосредотачивалось более 60% всех боевых самолетов советско-германского фронта.

С точки зрения оперативного искусства 1942 год характеризовался увлечением советского командования вспомогательными, сковывающими ударами. Идея была достаточно проста: вспомогательным ударом сковать резервы противника и исключить их переброску на направление нашего главного удара. Однако одновременно ослаблялась группировка на главном направлении, т. к. вспомогательный удар также требовал войск и стволов артиллерии. Незадолго до наступления на Ржев штаб ЗапФ проводил Болховскую операцию силами 10-й, 16-й и 61-й армий. В 10-й армии был один участок прорыва, в 16-й армии — два, основной и вспомогательный, в 61-й армии тоже два, основной и вспомогательный. Всего в трех армиях было пять участков прорыва.

Из числа привлекавшихся к операции самой сильной была 16-я армия под командованием генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского. Она насчитывала 115 000 человек, 416 полевых и 297 противотанковых орудий, 1410 минометов и 369 танков. Усилия армии распределялись между двумя участками прорыва. На направлении главного удара, где участок прорыва имел ширину 14 км, должны были действовать 11-я и 31-я гв. сд, а также 4-я, 15-я и 123-я сбр при поддержке трех танковых бригад и двух отдель-

ных танковых батальонов (всего 201 танк). На вспомогательном направлении участок прорыва имел ширину 12 км, здесь задействовали 322-ю и 336-ю сд без поддержки танков.

В послевоенном советском академическом учебнике при разборе Болховской операции отмечалось: *«Многочисленность участков прорыва не позволила создать на них достаточно высокие плотности сил и средств как один из важнейших факторов успеха прорыва»*[10]. Еще одна рекомендация касалась сужения участков прорыва — после распределения по ним артиллерии ее плотность составляла всего лишь от 40 до 76 орудий и минометов на 1 км фронта. Результат оказался предсказуем: начатую 5–6 июля операцию после неглубокого вклинения в немецкую оборону пришлось свернуть без достижения решительных целей.

Некоторые уроки были учтены в ходе Ржевско-Сычевской операции, которая является объектом нашего повествования, однако увлечение советских командующих вспомогательными ударами сохранялось на протяжении всего 1942 года.

Переход вермахта на советско-германском фронте к обороне носил лишь временный характер; более того — весной и в начале лета противнику удалось спланировать и подготовить новое крупное наступление стратегического масштаба — операцию «Блау» (Blau). При этом немецкое командование перехватывало инициативу в несколько этапов. Первоначально 12 февраля в «Распоряжении о ведении боевых действий на Восточном фронте по окончании зимнего периода», выпущенном Верховным командованием вермахта, предполагалось ликвидировать вклинения и построить сплошной фронт для беспрепятственного проведения кампании 1942 года. Конкретные решения отдавались на разработку штабам армий и групп армий, но с одной существенной оговоркой: *«При выборе рубежей, где пройдет линия фронта, решающее значение приобретает обеспечение безопасности путей подвоза снабжения для фронтовых частей и важных рокадных коммуникаций (железных дорог и шоссе) от воздействия противника, а также от различного рода диверсий»*[11].

Следующий шаг был сделан 5 марта, когда начальник штаба Верховного командования вермахта генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель собрал воедино целый ряд инструкций Гитлера по действиям в ближайшие несколько недель. Группе армий «Юг» предписывалось обрушиться

на Керченский полуостров в Крыму и Изюмский выступ под Харьковом, нейтрализовав Черноморский флот действиями авиации. Группа армий «Центр» нацеливалась на Осташков к западу от Калинина с целью ликвидировать результаты наступления советских 3-й и 4-й ударных армий. Группе армий «Север» предстояло стабилизировать ситуацию в районе Демянска. Следует подчеркнуть, что, по планам немецкого командования, точками приложения основных усилий вермахта в 1942 году становились фланги советско-германского фронта. Согласно записи в дневнике начальника Генерального штаба ОКХ генерал-полковника Франца Гальдера, на совещании 28 марта, посвященном обсуждению летней наступательной операции, Гитлер высказался относительно Московского направления достаточно уклончиво: *«Центральное направление. Мероприятия будут зависеть от успехов на участках, что южнее»*.

Все эти замыслы, предварявшие общее летнее наступление, начали последовательно реализовываться в апреле и мае 1942 года. К демянской группировке был пробит коридор в апреле, в мае последовал разгром войск КрымФ на Керченском полуострове и срезание Барвенковского выступа. Нельзя не отметить, что борьба за Барвенковский выступ развернулась на фоне начавшегося советского наступления под Харьковом. Только его успешное отражение позволило группе армий «Юг» реализовать план срезания выступа силами группы Клейста. Это в наилучшей степени характеризует положение неустойчивого равновесия весной 1942 года и борьбу за инициативу. Успешное наступление на Харьков могло сорвать замыслы противника и обеспечить владение инициативой. К сожалению, этого не произошло.

Серьезнейшей проблемой вермахта на советско-германском фронте в тот период была нехватка личного состава. С 22 июня 1941 года по конец марта 1942 года «кровавые»[12] потери вооруженных сил Германии в войне с СССР составили более 1,1 млн человек. К этому следует добавить около 900 000 человек больных, начиная с ноября 1941 года. Поступавшее пополнение было совершенно недостаточным. К тому же пополнение стало превышать потери только в период относительного затишья: в апреле, мае, июне 1942 года. Так, группа армий «Центр» в марте 1942 года потеряла 46 200 человек, получив пополнения 45 100 человек, в апреле — 41 900 человек потерь против 58 000 пополнения, в июне группа армий теряет 35 200 человек, получив 60 800 человек пополнения, в июле потери

составляют 54 600, пополнение 71 600[13]. Восполнение потерь шло, таким образом, крайне медленно и не могло обеспечить восстановление прежней численности соединений.

Столь же проблемной областью было восстановление материальных потерь. Артиллерийских тягачей с начала войны с СССР до марта 1942 года было потеряно 3774 штуки, пополнения составили 503 единицы и еще 18 машин было официально использовано из числа трофеев[14]. Речь идет о штатно моторизованных артиллерийских частях, использование советских «сталинцев» в пехотных дивизиях являлось заменой гужевой тяги. Все это существенно снизило подвижность артиллерии вермахта. Передвижение ранее 100% подвижных артиллерийских полков подвижных соединений и РГК теперь было возможно «перекатами», т. е. в несколько приемов.

Несколько лучше обстояли дела с бронетехникой. Безвозвратно потеряв до марта 1942 года на советско-германском фронте 3319 танков всех типов, немецкие войска получили здесь пополнение лишь в количестве 732 машин — т. е. имелся дефицит в 2097 танков. В марте вермахт располагал на Востоке всего 643 боеготовыми танками (1301 с учетом находящихся в ремонте), а в июле число боеготовых танков выросло до 1337 (2060 с учетом находящихся в ремонте)[15].

Нехватка бронетехники заставила немецкое командование формировать ударный кулак для похода за нефтью Кавказа в группе армий «Юг» за счет изъятия танковых батальонов из соединений группы армий «Центр». Так, 16-я мд 19 июня получила 116-й тб, ранее входивший в качестве I батальона в состав 1-го тп 1-й тд. По аналогичной схеме получили танковые батальоны 3-я, 29-я и 60-я мд, причем из 18-й тд изъяли сразу два танковых батальона. Все это привело к существенному снижению ударной мощи панцерваффе на Московском направлении.

Что касается штурмовых орудий, то на 18 июня на советско-германском фронте числилось 18 батальонов с 166 боеготовыми машинами (еще 44 находились в ремонте), а на 25 июля — 19 батальонов с 258 боеготовыми машинами (еще 42 в ремонте). В итоге из этих 19 батальонов 13 передали группе армий «Юг», проводящей операцию «Блау»[16]. Штурмовые орудия формально относились к артиллерии и придавались пехотным дивизиям на ключевых направлениях. В данном случае мы также видим концентра-

цию сил для проведения операции по захвату нефтепромыслов Кавказа с ослаблением Московского направления.

В отсутствие наступательных планов на центральном участке фронта немецкое командование решило провести масштабную кампанию дезинформации с задачей приковать советские силы к этому участку фронта. В мае–июне 1942 года советское командование отметило активизацию немецкой разведки. Немцы провели несколько разведок боем, во время которых на различных участках фронта 30-й армии крупные подразделения пытались выявить «слабые» участки обороны. Особенно сильная попытка была сделана врагом 17 мая на участке 359-й сд в районе Полюбино. Советскую передовую здесь пробовали на прочность два пехотных батальона немцев из 84-го пп. Их атаке предшествовал артналет и продолжительный минометный обстрел. Эта и все остальные вражеские разведки боем оказались безрезультатными.

В советских штабах в связи с этим последовали выводы, что противник готовит наступление. В пользу этого говорила и установленная разведкой переброска в район Ржева вражеских войск. Если в мае на участке КалФ у немцев было только шесть пехотных дивизий, то уже в середине июня советской разведкой отмечалось наличие восьми пехотных (6-й, 26-й, 102-й, 129-й, 251-й, 256-й, 292-й и 328-й), двух моторизованных (14-й и 36-й) и трех танковых (1-й, 2-й и 5-й) дивизий. Передовую линию обороны перед фронтом 30-й армии занимали 26-я, 102-я, 206-я, 251-я и 256-я пд, усиленные танковыми подразделениями 5-й тд и 14-й мд[17].

На самом деле, никакое наступление на этом участке фронта немцами не готовилось — и разведка боем, и переброска войск представляли собой дезориентирующие советскую сторону действия.

12 февраля 1942 года появились подписанные начальником штаба Верховного командования вермахта генерал-фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем «Руководящие указания по ведению дезинформации противника». Согласно документу, определялись мероприятия, призванные убедить советское командование в том, что по окончании весенней распутицы целью немецкого наступления станет Москва, а затем Среднее Поволжье с его промышленными центрами. В рамках этой операции планировалось провести в полосе групп армий «Центр» ротацию частей, заменив потрепанные в боях дивизии свежими из Западной Европы, но так, чтобы это

стало похожим на подготовку к наступлению[18]. К работе подключились армейская разведка и контрразведка всех уровней.

Немецкое командование предполагало, что к концу мая советская сторона получит какие-то конкретные данные о реально готовившейся наступательной операции «Блау», нацеленной на захват Кавказа и Нижнего Поволжья. Чтобы приковать его внимание к группе армий «Центр», в полосе ее обороны на ряде важных направлений немцы усилили артиллерийский огонь, провели ряд локальных боевых операций и радиодезинформаций[19].

Кульминацией этих мероприятий стала фиктивная подготовка к операции по наступлению на Москву, для чего 29 мая командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Гюнтер фон Клюге подписал приказ № 4350/42 о наступлении под кодовым названием «Кремль» (Kreml)[20]. Ответственным за разработку этого полностью ложного плана вплоть до корпусного уровня назначили начальника штаба группы армий «Центр» генерал-майора Отто Вёлера.

В отличие от реальных планов кампаний, «Кремль» имел прямую географическую привязку, не допускавшую двойных толкований. Он предусматривал новый удар силами сразу 2-й, 3-й и 4-й танковых армий с целью окружения Москвы. Части 2-й танковой армии должны были наступать в направлении на Сталиногорск (ныне Новомосковск) и Тулу, с форсированием Дона. 4-й танковой армии предстояло уничтожить советские войска в Сухиничском выступе и занять Калугу. Обе армии должны были начать наступление одновременно в условленный день «Х». 3-я танковая армия наступала с севера, из района Гжатск — Зубцов, и выходила с захватом переправ на линию Калинин — Волжское водохранилище — Клин. Ее наступление начиналось на пятый день после дня «Х». 9-я армия оставалась на прежних позициях и сковывала противника локальными операциями.

Основные направления ударов операции «Кремль» практически полностью соответствовали представлениям советского командования о намерениях противника. В один день с Приказом о проведении операции была сделана заявка на проведение фоторазведки советских оборонительных позиций. Активность самолетов-разведчиков также должна была наводить на мысль о скором масштабном наступлении.

3 июня на основании приказа № 4350/42 отдел разведки и контрразведки группы армий «Центр» выпустил приказ № 4570/42, в котором оговаривалась деталировка дезинформационных мероприятий, включавшая:

«*1. Радиодезинформацию;*

2. Пакеты с картами наступления, выдаваемые в штабы дивизий с пометкой «вскрыть рано утром в день X»;

3. Уже заявленную в соответствующем документе воздушную разведку;

4. Подготовку планов Москвы и других крупных городов в полосе фиктивного наступления;

5. Усиление переброски агентуры в советский тыл за линию Тула — Москва — Калинин;

6. Проведение допросов пленных и перебежчиков в дивизионных и корпусных штабах, начиная с 10 июня, на тему предполагаемого наступления: уточнение информации о дорогах, переправах, сосредоточении резервов, о подготовке саботажа;

7. Проведение листовочной пропагандистской кампании на части Красной Армии;

8. Подготовку новых дорожных указателей в полосах и тыловых районах армий, заготовку указателей для продвижения в ходе наступления;

9. Проведение ложных перегруппировок и маршей войск, активные действия артиллерии;

10. Подвоз переправочных средств к рекам Сошa и Ока;

11. Выдвижение вперед «рабочих штабов» и т. д.»[21].

Согласно вышедшему следом Приказу оперативного отдела группы армий «Центр» № 4592/42, информацию об истинном характере операции разрешалось сообщать максимум командующим корпусами, причем только лично.

Исполнение перечисленных в приказе № 4570/42 мероприятий отдела Ic предписывалось начать с 10 июня[22].

Как можно заметить, планирование дезинформационной операции отличалось комплексным подходом: предполагалось ввести в заблуждение не только советские фронтовые части и войсковую разведку, но и контрразведку и работавшую в немецком тылу, в лагерях военнопленных и в партизанских отрядах агентуру; способное распространять те или иные слухи население.

К моменту завершения операции «Кремль» достигнутые вермахтом на юге под Харьковом и на севере под Любанью успехи с окружением крупных советских сил позволили Гитлеру начать планирование активных действий в полосе группы армий «Центр». Как указывалось в журнале боевых действий Верховного командования вооруженных сил 24 июня 1942 года, Гитлер в разговоре *«ссылается на вероятность того, что русские силы сопротивления очень ослаблены. В этом случае нужно подумать и об одной наступательной (операции) на (участке) группы армий «Центр». Для этого в первую очередь будет рассмотрена концентрированная атака на Калугу с целью последующего уничтожения ряда вражеских соединений и достижения сокращения (линии) фронта к зиме*[23]*. День спустя, 25 июня, общая идея приобретает более конкретные цели и очертания: «преимущество операции группы армий «Центр» (у Сухиничей) в том, что заблаговременно достигаются зимние позиции, так и исходные позиции для более поздних операций на Москву»*[24].

Два дня спустя, 26 июня, генерал-полковник Гальдер писал в своем дневнике: «Доклад фон Клюге фюреру... План «Зейдлиц» утвержден. После этого подготовка к мероприятию «Калуга» в районе Сухиничей, если у Клюге найдутся для этого силы или если он получит с юга 2-ю танковую дивизию. Проведение намечено на третью декаду июля». Операция «Зейдлиц» носила вспомогательный характер и нацеливалась на освобождение полосы немецкой 9-й армии от вклинения в нее 39-й армии генерал-лейтенанта И. И. Масленникова и 11-го кк полковника С. В. Соколова.

На 2 июля в состав 39-й армии входили 21-я гв. сд, 252-я, 256-я, 357-я, 373-я и 381-я сд. Общая численность частей и соединений 39-й армии без тылов достигала 36 000 человек[25]. В состав 11-го кк входили 18-я, 24-я, 36-я и 82-я кд. Дестабилизирующим фактором было то, что за коммуникации войск Масленникова и Соколова несли ответственность командующие двух разных армий — северную и южную «стенки» коридора обороняли соответственно 22-я и 41-я армии КалФ.

В операции «Зейдлиц» командованием группы армий «Центр» были задействованы 10 пехотных, четыре танковых дивизии (1-я, 2-я, 5-я и 20-я), одна мотопехотная дивизия (14-я мд) и кавалерийская бригада фон дер Медена. Немецкое наступление началось 2 июля в 03:00 по берлинскому времени после короткой артиллерийской подготовки и удара с воздуха

пикирующими бомбардировщиками «Юнкерс» Ju 87. С севера, из района Оленино, наступал двумя группами XXIII армейский корпус генерала Шуберта. В 22-й армии удар пришелся на слабейшую 380-ю сд, насчитывавшую к началу боев 5725 человек личного состава и всего семь станковых пулеметов и три противотанковых орудия!

Из района Белого на восток начала наступление группа Эзебека в составе 2-й тд и 246-й пд. В дальнейшем они должны были повернуть на север, навстречу XXIII корпусу. Противостояла двум немецким дивизиям 17-я гв. сд 41-й армии. Она насчитывала 7559 человек при 82 станковых пулеметах, но располагала всего 19 противотанковыми орудиями и 47 противотанковыми ружьями. По мнению командования, прорыв обороны стал следствием скорее субъективных, чем объективных причин. В журнале боевых действий 41-й армии указывалось: *«48 гв. сп 17 гв. сд, в результате длительного пребывания в обороне, притупления бдительности, воли к борьбе и победе, не проявил должного упорства в бою, — и к исходу первого дня сдал противнику рубеж обороны, который он подготавливал в течение 3–4 месяцев»*[26].

Здесь советские войска быстро перешли к активному противодействию вражескому наступлению: уже вечером первого дня операции последовал контрудар с участием 21-й тбр, 135-й сд и 24-й кд во фланг 2-й тд немцев. Отражение контрудара наступающей немецкой группировкой продолжилось в течение дня 3 июля.

Важную роль в успехе «Зейдлица» сыграла кавалерия фон дер Медена. Продвигаясь по лесам, кавалерийская бригада 3 июля вышла в тыл оборонявшимся на шоссе частям 256-й сд. Фронт на этом направлении был прорван, и развал обороны 22-й армии привел к катастрофическим последствиям. По версии, изложенной в журнале боевых действий 41-й армии, *«37 танков противника с автоматчиками, прорвав фронт 22-й армии из района Шиздерово, неожиданно атаковали штаб 135-й сд в Егорье и распространились на запад, атаковали с тыла части 262-й сд и частично 17-й гв. сд»*[27].

Окончательно успех немецкого наступления был достигнут, по советским данным, в понедельник, 6 июля 1942 года, когда 1-я и 2-я тд немцев встретились в районе деревни Пушкари на шоссе Белый — Оленино. В окружение попали все части и соединения 39-й армии и 11-го кк, а так-

же соединения 41-й (17-я гв. сд, 135-я сд, 21-я тбр) и 22-й (355-я сд, части 380-й и 185-й сд) армий. Практически одновременно советская группировка была рассечена надвое, на северный и южный «котлы». Невозможность эффективного снабжения по воздуху вследствие слабости советской транспортной авиации способствовала быстрой дезорганизации окруженных войск.

В течение 7–9 июля 1942 года из окружения пробились части 41-й армии. Из 135-й сд вышло около 1000 человек, из 17-й гв. сд — 1759 человек[28]. В этот же период вышли отдельные люди и подразделения 24-й и 46-й кд, 357-й, 355-й и 262-й сд. Кавалеристам 24-й кд удалось добиться успеха за счет военной хитрости: помимо основного прорыва было подготовлено и поддержано огнем два ложных участка. Из состава дивизии вырвались из окружения в ночь на 9 июля 1282 человека и 730 лошадей[29]. Также кавалеристы претендовали на вывод до 1000 человек из других дивизий и 350 человек из числа раненых 17-й гв. сд.

В немецких источниках 12 июля 1942 года считается официальной датой завершения операции «Зейдлиц», однако организованное сопротивление и попытки прорыва советских войск не прекратились. К 17 июля в северном «котле» собралась группа численностью около 1500 человек под руководством командира 18-й кд генерал-майора П. С. Иванова, а в южном «котле» оставались примерно 8000 человек под командованием штаба 39-й армии. Раненный 12 июля в ногу командующий 39-й армией генерал-лейтенант И. И. Масленников по приказанию командующего фронтом в ночь на 19 июля улетел из «котла» на самолете У-2, а заместитель командующего генерал-лейтенант И. А. Богданов остался с войсками.

Последняя крупная попытка деблокировать 39-ю армию была предпринята вечером 21 июля, когда навстречу окруженной группировке нанесли удар части 185-й сд 22-й армии. Уже к 23:00 на участке дивизии вышли из окружения 3500 человек. В ходе боев по обеспечению коридора для выхода войск генерал Богданов получил ранение и был вывезен на самолете в госпиталь, где 24 июля скончался. Всего же по итогам прорыва в журнале боевых действий штаба КалФ указывалось: *«В течение ночи на 22 июля вышло около 7000 человек»*. Этот момент можно считать днем завершения борьбы 39-й армии и 11-го кк.

Таблица 1.1

Потери армий КалФ, действовавших в районе Холм-Жирковского выступа в июле 1942 года*

Армия / корпус	Убито	Ранено	Без вести	Другие причины	Заболело	Всего
22-я армия	1433	3279	3905	27	699	9343
39-я армия	582	269	22749	33	14	23647
41-я армия	2000	4156	6347	868	531	13 902
11-й кк	371	316	14 071	42	30	14 830

* ЦАМО РФ, Ф. 213, Оп. 2002, Д. 402, Л. 48.

Потери немецких войск в операции «Зейдлиц» (за исключением 14-й мд, по которой данные отсутствуют) составили 810 убитых, 84 пропавших без вести и 3087 раненых — всего 3981 человека[30].

Успешное для немцев завершение операции «Зейдлиц» существенно сокращало линию фронта, высвобождая войска, которые можно было использовать для проведения следующих операций.

План «Калуга» (Kaluga), запись о котором, как говорилось выше, появилась в дневнике Гальдера 26 июня, носил явно рабочий характер — странно было бы раскрывать в кодовом наименовании цель наступления. Вскоре этот план преобразовался в планы операций с кодовыми наименованиями «Смерч» (Wirbelwind) и «Ураган» (Orkan), которые также проходили как «малое решение» и «большое решение». Более масштабной была операция «Ураган», предполагавшая захват Калуги. Причем в документе, представленном штабом 2-й танковой армии в штаб группы армий «Центр», прямо указывалось: *«Танковая армия считает, что только большое решение* [операция «Ураган». — *Прим. авт.*] *создает на длительный срок удовлетворительные условия для постоянной позиции и предпосылки для последующих операций в следующем году. При этом желателен при всех обстоятельствах захват Калуги как плацдарма. Если это не удастся, то Калуга останется местом сосредоточения сил противника и вместе с тем длительным очагом опасности для собственного фронта»*.

Следует особо подчеркнуть, что операция «Ураган» не являлась инициативной разработкой, а планировалась сообразно указаниям Гитлера, данным 1 июля 1942 года. Задачи операции разъяснялись в приказе

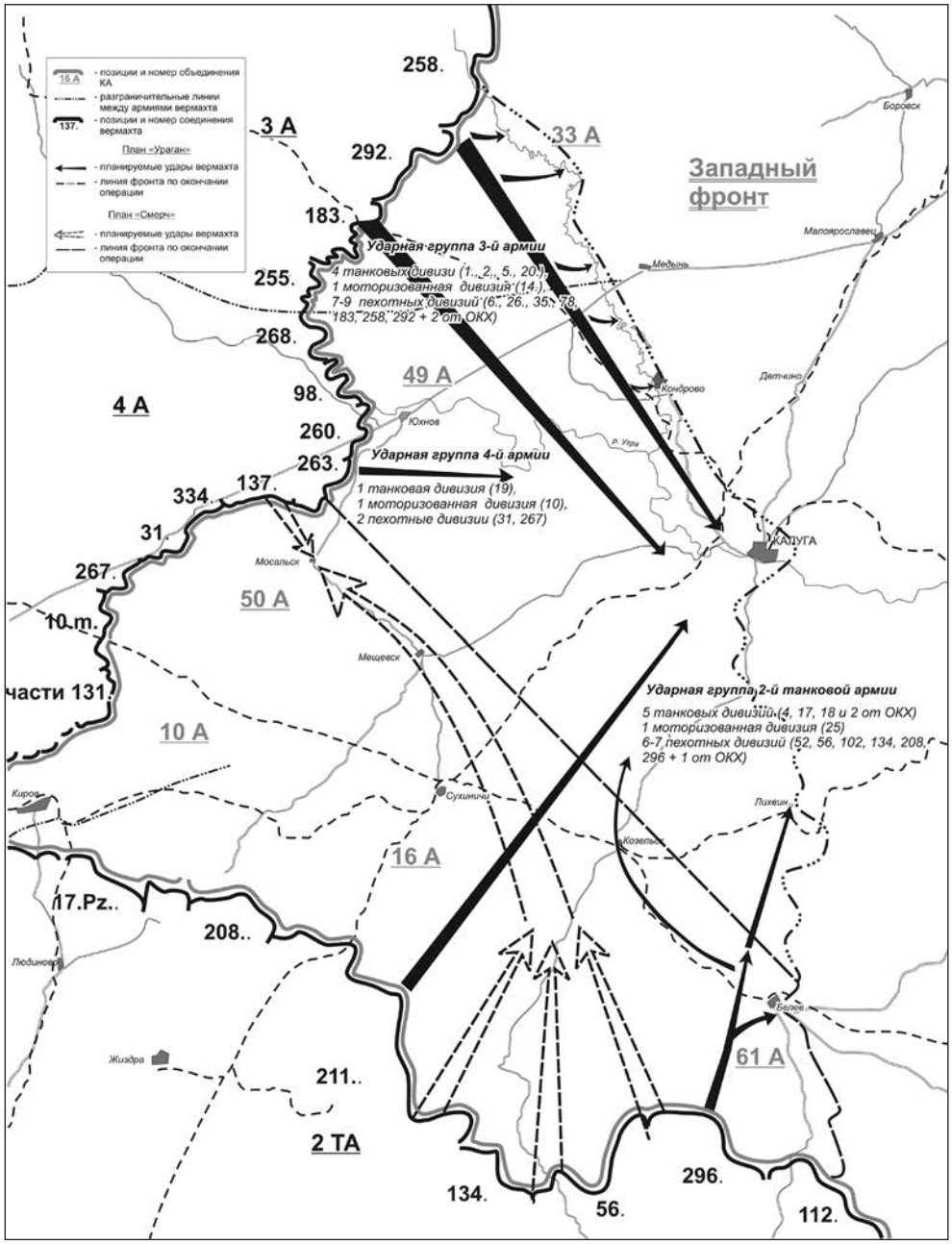

Схема проведения операций «Смерч» и «Ураган»

Источники: NARA, T313, R125, frame 000519 (предоставлен Игорем Черняевым), ЦАМО РФ, Ф. 500, Оп. 12454, Д. 580.

группы армий «Центр» подчиненным армиям следующим образом: *«ОКН в области группы армий «Центр» рассматривается операция (кодовое наименование: «Ураган») с уничтожением армий противника на Сухиничско-Юхновской дуге для захвата сокращенной постоянной позиции на р. Ока южнее Белев до Калуги (Калуга возможно включительно) — течение р. Шаня. Запланировано создание по одной сильной наступательной группе 2-й ТА из района севернее и северо-западнее Болхова и 3-й ТА из района между реками Угра и Шаня в общем направлении на Калугу»*. Начало планируемой операции было предварительно назначено на 1 августа.

Главным препятствием для реализации «большого решения» являлся недостаток сил ввиду передачи танковых и моторизованных дивизий из группы армий «Центр» в группу армий «Юг» перед началом наступления на Кавказ, особенно в условиях местности в полосе предполагаемых ударов. Поэтому в представленных штабом 2-й танковой армии 5 июля 1942 года соображениях о проведении наступательных операций оговаривалось: *«если вследствие «потери» двух обещанных ОКН танковых дивизий силы 20-й тд, возможно, окажутся слишком незначительными, чтобы одним броском провести операцию на Калугу, то нужно выбрать небольшое решение, которое в данный момент подготавливается 4-й армией»*.

Под «небольшим решением» имеется в виду «Смерч» (Wirbelwind). В итоге этот вариант стал магистральным в планах командования группы армий «Центр». 12 июля 1942 года штаб группы армий «Центр» выслал в штабы 4-й армии и 2-й танковой армии директиву № 5600/42 по операции «Смерч»: *«Группа армий под сосредоточением всех имеющихся в распоряжении сил и после небольшого пополнения переходит в наступление со 2-й танковой армией и 4-й армией для уничтожения находящихся на Сухиничско-Мещовской дуге армий противника»*.

План операции «Смерч» отличался от «Урагана» исключением из операции 3-й танковой армии и уменьшением глубины наступления в целом. Теперь не планировалось захватывать Калугу, а лишь предполагалось выйти на рубеж реки Оки до района северо-восточнее Белева. С этим планом командование группы армий «Центр» подошло к концу июля. Дата наступления была назначена на 7 августа. Только крупное и успешное наступление советских войск могло сорвать замысел противника.

1. Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1978. С. 189.
2. Михалев С. Н. Военная стратегия: Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М.: Жуковский: Кучково поле, 2003.
3. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. Т. 2. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 61.
4. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). — М.: ТЕРРА, 1996. С. 191.
5. Цит. по: Михалев. С. 364–365.
6. РГАСПИ, Ф. 644, Оп. 1, Д. 24, Л. 160.
7. Бирюков Н. И. Танки — фронту! Смоленск: Русич, 2005. С. 92.
8. Кожевников М. Н. Командование и штаб Советской армии в Великой Отечественной войне. М., 1977. С. 81.
9. РГАЭ, Ф. 8044, Оп. 1, Д. 833, Л. 60; Vajda F. A., Dancay P. German Aircraft Industry and Production 1933 – 1945. McFarland, 1998. P. 138.
10. Радзиевский А. И. Развитие теории и практики прорыва (по опыту Великой Отечественной войны). Учебное пособие. В 2-х т. Т. 1. М.: Военная академия им. М. В. Фрунзе. 1977. С. 149.
11. Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. М.: Наука, 1973. С. 317.
12. Т. е. убитые, раненые и пропавшие без вести.
13. Germany and the Second World War: Volume VI: The Global War. Oxford University Press, 2015. Pp. 865–866.
14. Germany and the Second World War: Volume VI: The Global War. Oxford University Press, 2015. P. 872.
15. Jentz T. Panzertruppen, The Complete Guide to the Creation & Combat Emloyment of Germany's Tank Force. 1933 — 42. Schiffer Military History, Atlegen, PA, 1996. P. 252.
16. Spielberger, Walter J. Sturngeschutz & Its Variants. Schiffer Publishing, Ltd., 1993. Pp. 236–237.
17. ЦАМО РФ, Ф. 208, Оп. 2511, Д. 1044, Л. 183-184. Ржевская наступательная операция 30-й А в августе и сентябре 1942 года.
18. BArch. RW 4/678 bl.58, цит. по: George E. Blau, The German Campaign in Russia: Planning and Operations, 1940–1942. Washington DC: Dept. Of the Army, 1955. P. 116.
19. Alan P. Donohue, Operation KREML. German strategic deception on the Eastern Front in 1942, p. 83.
20. ЦАМО РФ, Ф. 500, Оп. 12454, Д. 392, Л. 1-5. Приказ о наступлении на Москву, HG Mitte/Ia Nr.4350/42 g.Kdos. Русский перевод: Военно-исторический журнал, 1961, № 8. С. 82–84.
21. ЦАМО РФ, Ф. 500, Оп. 12454, Д. 392, Л. 12-15. Приказ о наступлении на Москву, HG Mitte/Ia Nr.4350/42 g.Kdos. Русский перевод: Военно-исторический журнал, 1961, № 8. С. 87–88.
22. ЦАМО РФ, Ф. 500, Оп. 12454, Д. 392, Л. 74. Приказ о наступлении на Москву, HG Mitte/Ia Nr.4350/42 g.Kdos. Русский перевод: Военно-исторический журнал, 1961, № 8. С. 89.
23. Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab) 1940–1945. Frankfurt a. M.: Bernard & Graefe. 1963, Band II/1. 1. Januar 1942 – 31. Dezember 1942, s. 445.
24. Ibid, S. 630.
25. ЦАМО РФ, Ф. 213, Оп. 2002, Д. 392, Л. 40.
26. ЦАМО РФ, Ф. 213, Оп. 2002, Д. 745, Л. 42.
27. ЦАМО РФ, Ф. 213, Оп. 2002, Д. 745, Л. 41.
28. ЦАМО РФ, Ф. 213, Оп. 2002, Д. 402, Л. 16об.
29. ЦАМО РФ, Ф. 396, Оп. 9208, Д. 68, Л. 20.
30. NARA, T313, R123, frame 7369560.

ГЛАВА 2
ПОДГОТОВКА К НАСТУПЛЕНИЮ

Положение советских войск

По состоянию на 15 июля 1942 года левое крыло КалФ генерал-полковника И. С. Конева состояло из трех располагавшихся в районе Ржева армий: 30-й, 29-й и 31-й. В связи с понесенными в зимних и весенних боях большими потерями после получения приказа Военсовета КалФ с 26 апреля 1942 года они перешли к обороне. К середине июля 30-я армия генерал-лейтенанта Д. Д. Лелюшенко занимала позиции несколько западнее участка фронта, на котором вскоре предстояло развернуться основным событиям Ржевско-Сычевской наступательной операции: Холопово — по реке Волге — Якимово — Кокошкино — Воробьево — Нелюбино — вдоль правого берега реки Кокша до Колесниково, откуда начинались позиции соединений 29-й армии.

30-я армия прикрывала важные направления на Селижарово и Торжок, а также ключевую железнодорожную линию Торжок — Кувшиново — Селижарово, которая проходила у нее в тылу на расстоянии 80–100 км от переднего края. Это была единственная магистраль, по которой шло снабжение армии. Шоссейные дороги на участке армии отсутствовали. Одна из двух главных грунтовых дорог, идущая в направлении от Ржева на станцию Селижарово, пересекала фронт на правом

фланге на стыке с 22-й армией того же КалФ, а вторая на левом фланге, на стыке с 29-й армией, вела через Луковниково к Торжку. Контрнаступления немцев на участке 30-й армии если и следовало ожидать, то только вдоль этих транспортных артерий.

Линия обороны 29-й армии КалФ, которой командовал генерал-майор В. И. Швецов, проходила примерно в 10 км севернее Ржева и в 15–20 км северо-восточнее города Зубцова. Ее фронт тянулся практически с запада на восток по линии Колесниково — Плотниково — севернее Гридино, затем поворачивал на юго-восток и, спускаясь по линии восточнее Гридино — Гущино — Крупцово — Карпово — Малое Столыпино, упирался в Волгу[1].

За Волгой с севера на юг тянулись позиции 31-й армии генерал-майора В. С. Поленова. Она удерживала рубеж, начинавшийся у впадения в Волгу реки Держа и тянувшийся вдоль нее далее на юг по линии Саблино — Устье — Новое — Пыталово — Алешево — Ернево — Холопья — Иваньково — Петровское — Ботино — Галахово — Ивановское — севернее Егорьевского[2].

Южнее стояли войска ЗапФ генерала армии Г. К. Жукова. Если КалФ стабилизировался в апреле 1942 года, то здесь войска замерли на месте фактически уже в феврале. По рубежу Егорьевское — Бутово — Кучино — Крупино Болото — Березки — Сапегино — Ратьково — Мотаево проходила линия обороны правофланговой 20-й армии генерал-лейтенанта М. А. Рейтера[3], а слева примыкала полоса ответственности 5-й армии генерал-лейтенанта И. И. Федюнинского.

Силы левого крыла КалФ и правого крыла ЗапФ до 15 июля 1942 года были довольно разрежены — на стрелковую дивизию здесь приходились участки обороны протяженностью от 15 до 23 км, армейские и фронтовые вторые эшелоны оставались незначительными.

Построение обороны советских дивизий весной и в первой половине лета 1942 года можно наглядно проиллюстрировать на примере 251-й сд полковника С. И. Орестова, входившей в 30-ю армию КалФ, и 82-й сд полковника И. В. Писарева из состава 20-й армии ЗапФ. Все их стрелковые полки находились в первом эшелоне, занимая участки фронта протяженностью 5–8 км. Во втором эшелоне оставалось всего по одному стрелковому батальону, усиленному ротой автоматчиков, артиллери-

ей и ротой восстановленных трофейных танков. Эти силы размещались в 4–5 км от переднего края на наиболее вероятных направлениях наступления противника в прерывистых траншеях или окопах.

Перед батальонами устанавливались проволочные заграждения в один ряд кольев и так называемые «огневые валы» — политые мазутом горы нарубленного кустарника, деревьев или соломы. В них закладывались бутылки с зажигательной смесью «КС». В случае приближения противника пулеметными и автоматными очередями бутылки разбивались и воспламеняли вал. По замыслу это должно было задержать вражескую пехоту, а танки вынудить при объезде подставить свои слабо защищенные броней борта. Кроме того, на случай прорыва немецкими войсками переднего края эти батальоны дивизионного резерва отрабатывали три маршрута выдвижения к нему[4].

Полки также выстраивали свою оборону в один эшелон, с выделением в резерв усиленных полковой артиллерией и минометами стрелковой роты и роты автоматчиков. Они занимали оборону в 2–3 км от переднего края на главном направлении на участке шириной 1–2 км по фронту. Как правило, за ними размещался командный пункт полка. От него к переднему краю вел ход сообщения, заглубленный в землю только на участках, которые противник мог просматривать. В таких местах ход маскировался щитами из камыша и кустарника.

Стрелковые батальоны занимали фронт протяженностью 2–3 км. В первом эшелоне обычно находились две роты и один взвод третьей. Третья рота без одного взвода, но с противотанковыми орудиями, пулеметами и минометами ставилась в оборону в 1–2 км от переднего края. Позиции рот второго эшелона образовывали вторую оборонительную линию дивизии. За ротой второго эшелона располагался КП батальона.

Нужно отметить, что в начале лета 1942 года советские войска в обороне перешли от не оправдавшей себя тактики применения не связанных между собой одиночных стрелковых ячеек к использованию сплошных траншей. В этом случае потери при минометных и артиллерийских обстрелах в теории увеличивались, зато бойцы, ощущая «локтевую связь» с товарищами, чувствовали себя намного увереннее и сражались упорнее. Траншеи с фронта прикрывались проволочными заграждени-

ями в 1–2 кола и минными полями плотностью 1–2 мины на 1–1,5 метра, а также «бутылочными полями» с бутылками «КС». Танкоопасные направления укреплялись дотами, противотанковыми рвами, огневыми валами. За ними занимали оборону вновь сформированные истребительно-противотанковые артиллерийские полки, которые с весны стали получать подкалиберные снаряды. Танковые бригады находились в глубине обороны на танкоопасных направлениях.

С начала февраля армии ЗапФ, а с апреля и КалФ ускоренно зарывались в землю: строили блиндажи, землянки, дзоты, рыли траншеи, окопы, ходы сообщения, оборудовали основные и ложные позиции, устанавливали проволочные и минные заграждения, делали лесные завалы.

В 30-й армии особенное внимание уделяли укреплениям на правофланговом заволжском плацдарме. Здесь рубеж обороны проходил по деревням Кишкино, Лыщево, Черново, которые отбили у немцев в зимних и весенних боях. Ширина плацдарма составляла 4–5 км. Ржев от истока Волги находится примерно в 200 км, поэтому ширина реки в районе города мало где превышала 100 метров. Тем не менее, водная преграда серьезно затрудняла снабжение закрепившихся на правом берегу советских частей — река у Ржева в то время была довольно глубокой и судоходной. Зимой, пока на Волге стоял лед, проблем с транспортировкой через нее не возникало, но после ледохода немногочисленные переправы постоянно находились под вражескими артобстрелами и бомбардировками с воздуха.

В тылу армий КалФ по реке Итомля саперы подготовили резервный рубеж, составленный из узлов обороны с оборудованными батальонными и ротными опорными пунктами, в которые превратили находившиеся здесь деревни, отдельно стоящие строения и высоты.

В полосе 30-й армии к 13 июля на основном и резервном оборонительных рубежах войска возвели 512 дзотов, вырыли и оборудовали 1558 окопов для стрелковых отделений, 661 окоп для минометов, 660 окопов для ПТР. Появились 81,2 км траншей и ходов сообщений, 26,4 км противотанковых рвов, подходы к которым прикрыли 27,8 км проволочных заграждений и 11 663 противотанковые мины[5]. Подобные масштабы фортификационного строительства наблюдались и на участках других армий. Готовились противотанковые и подвижные истребительные от-

ряды, которые предназначались для борьбы соответственно против танков и авиадесантных групп противника.

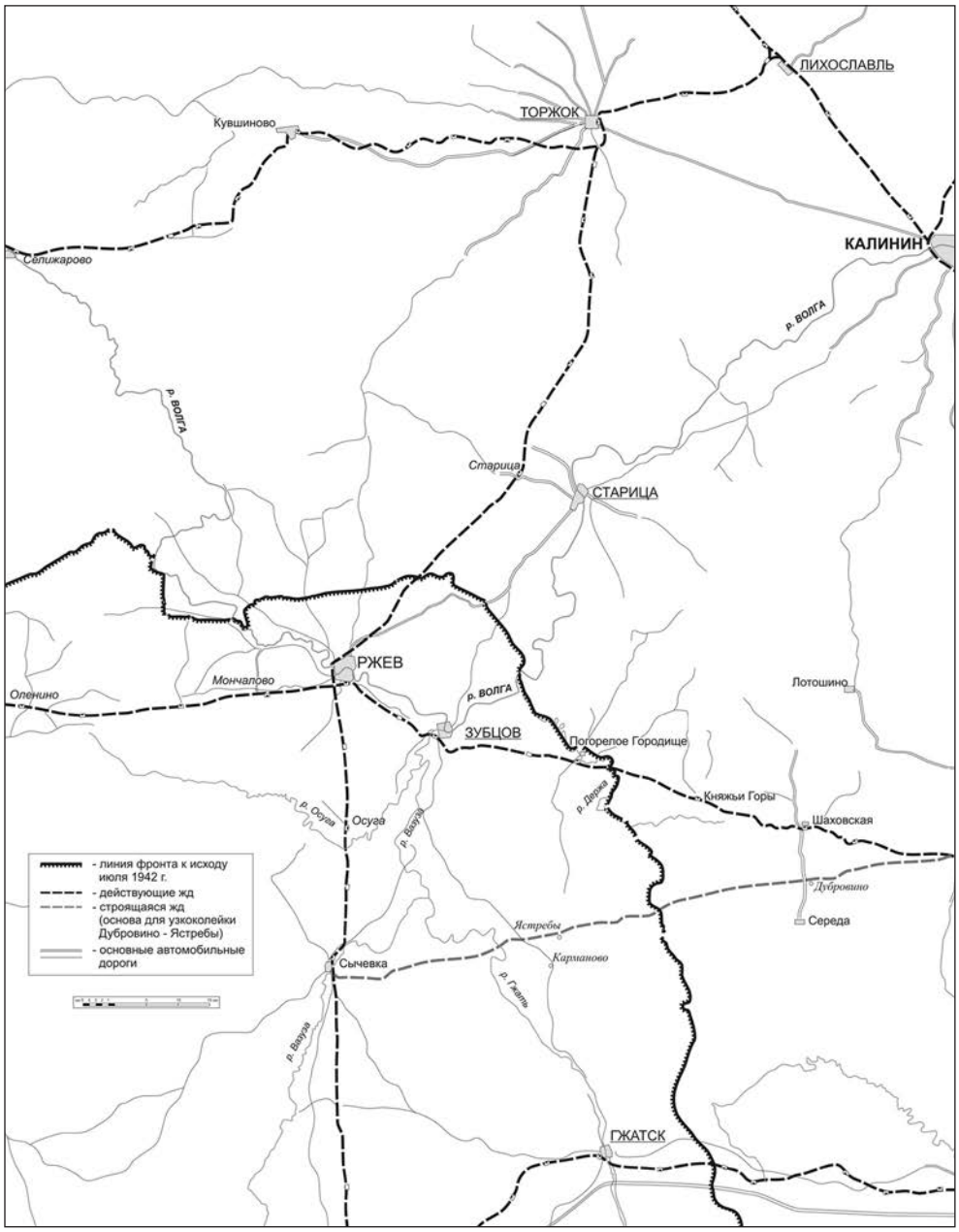
Еще весной 30-я армия вывела в резерв 220-ю и 379-ю сд, 132-ю и 136-ю сбр, 2-й гв. мцп. Их расположили на втором рубеже обороны, где личный состав занялся усиленным обучением и подготовкой оборонительных сооружений на наиболее вероятных направлениях ударов противника.

С конца июня начался процесс доукомплектования личным составом и вооружениями потрепанных в предыдущих боях частей. В соединениях и на армейских базах создавались резервы боеприпасов и других видов обеспечения.

В тылу у 29-й, 31-й и 20-й армий по линии Старица — Шаховская — Середа к концу июня возвели вторую оборонительную полосу. Между ней и основной линией обороны возводились армейские промежуточные рубежи.

Основной магистралью, по которой в 1942 году шло снабжение войск КалФ, оставалась неоккупированная часть главного хода Октябрьской железной дороги, соединявшей Москву и Ленинград. Работы по восстановлению этой линии после кратковременной оккупации вермахтом были в основном выполнены к февралю 1942 года, и магистраль функционировала от Москвы до станции Малая Вишера как рокада. Она обладала самой высокой пропускной способностью в этом районе (до 60 пар эшелонов в сутки). С фронтовой распорядительной станцией Ярославль ее связывала однопутная ветка Бологое — Рыбинск — Ярославль.

Рокада Ленинград — Одесса рассматривалась до войны как главная в СССР с пропускной способностью от 24 до 72 пар поездов в сутки, но летом 1942 года эта дорога почти целиком оказалась в руках немцев. В связи с этим большее значение получила резервная, более восточная рокада Лихославль — Севастополь. Она была менее мощной, способной пропускать лишь 17–19 пар поездов сутки, и на описываемый период прерывалась фронтом: северная часть рокады от Торжка до Старицы работала на РККА, а центральная часть от Вязьмы через Сычевку до Ржева использовалась немцами. Во многом именно это позволяло вермахту устойчиво удерживать Ржевский выступ: железная дорога стала его своеобразной питающей артерией.

Карта основных железных и шоссейных дорог в полосе наступления Калининского и Западного фронтов

Кроме того, от Торжка на Кувшиново — Селижарово — Соблаго отходила и соединительная линия к Бологое-Полоцкой магистрали, на которой преимущественно располагались армейские склады. Линия в плане логистики оказалась удобна тем, что с нее можно было работать на три стороны: на юг к Старице, на северо-запад к Осташкову и на юго-запад к Торопцу; кроме того, она не мешала движению эшелонов по Бологое-Полоцкой магистрали, так как примыкала к ней с востока.

Широтной магистралью в зоне КалФ и северной части ЗапФ являлась Московско-Рижская железная дорога, которая на всем протяжении от Москвы до границы с Латвией административно подчинялась Калининской железной дороге. Маломощная и однопутная, она до войны не рассматривалась как важная. В 1942 году немцы перерезали ее в районе Ржевского выступа, и советские войска могли использовать ее в двух районах: от Москвы до станции Шаховская (153-й км линии) и от станции Нелидово до станции Старая Торопа (узел, который через Торопец соединялся с Бологое-Полоцкой магистралью). Также со стороны Москвы от станции Дубровино близ Шаховской была построена 45-км узкоколейка Дубровино-II — Ястребы в сторону Сычевки, снабжавшая войска 20-й и 33-й армий, которые держали восточную часть фронта на Ржевском выступе немцев.

Наконец, главный Белорусский ход со стороны ЗапФ, административно относившийся уже к Западной железной дороге, полноценно работал до станции Можайск (110-й км), а от станции Гжатск (180-й км) и на запад использовался немецкой армией. От станции Кубинка (Белорусский ход) до станции Манихино (Рижский ход) также имелась рокада, являвшаяся частью строящейся тогда Большой Московской окружной железной дороги — она интенсивно усиливалась в ходе 1942 года.

Положение немецких войск

К середине лета вражеская линия обороны северо-западнее Ржева перед фронтом 30-й армии проходила по рубежу Савино — Заборки — Дорогино — кустарник севернее Усово и Ченцово — Тяплово — Есенево — Кокошкино и по левому берегу реки Кокша. Севернее Ржева от Агарьково

передний край немцев шел перед фронтом 29-й армии по линии Ильино — Назарово — Буруково — Подсосенье — Ново-Семеновское — Космариха — Дешевка — Бельково — Свиньино — Захарово — Немцово — Клипуново — Гридино — Крупцово — Волыново[6].

Далее на правом берегу Волги вражеский рубеж тянулся перед порядками 31-й армии по линии Троицкое — Рождество — Сновидово — Погорелое Городище — Кунилово — Александровка — Васильевское, местами опираясь на реку Держа, местами уходя от ее берегов[7]. Южнее Васильевского с немецкой стороны и Егорьевского с советской в месте, где текущая с востока на запад Держа делает резкий поворот на север, у Волги проходил по состоянию на 15 июля 1942 года стык участков КалФ и ЗапФ.

Южнее вражеская оборона проходила по населенным пунктам Васильевское — Кузнечиха — Львово — Прозоровка — Пустой Вторник — Корульки[8], перед ней занимали оборону войска 20-й армии ЗапФ.

Вся вражеская линия обороны, лежавшая перед позициями 30-й, 29-й, 31-й и 20-й армий, советским командованием называлась «линией Штрауса» по фамилии командующего 9-й армией генерал-полковника Адольфа Штрауса. Позиции VI армейского корпуса в немецких документах называли «линия Кенигсберг». 15 января 1942 года из-за неудовлетворительного руководства 9-й армией Штрауса отстранили от командования, и его сменил один из самых известных военачальников Третьего рейха генерал-полковник Вальтер Модель. Во многом именно благодаря его полководческим талантам немцам удалось удержаться на Ржевском выступе зимой 1941–1942 гг. 25 мая, пролетая на связном самолете над линией фронта, Модель получил ранение от выпущенной с земли винтовочной пули[9], и на посту командующего 9-й армией его временно сменил генерал танковых войск Хайнрих фон Фитингхоф[10].

Местность на всем протяжении немецкого фронта была выгодной для обороны. Здесь имелись скрытые подступы с тыла к переднему краю, большое количество возвышенностей для обустройства наблюдательных пунктов с хорошим обзором, множество складок местности для размещения артиллерийских батарей и минометных позиций, многочисленные поросшие лесом и кустарником участки, а также ряд командных высот.

Соединения 9-й армии еще во время стабилизации фронта после своего зимнего отступления старались зацепиться за населенные пункты, которые было проще оборонять, поскольку в этой болотистой местности они исторически размещались на господствующих возвышенностях.

Перед фронтом советской 30-й армии наиболее удобный для организации немецкой обороны участок местности шел по правому берегу реки Кокша, а перед 31-й и 20-й армиями ЗапФ — по левому берегу реки Держа. Помимо того, что здесь позиции обороняющихся прикрывали естественные водные преграды, так еще и занятые ими левые берега рек господствовали над правыми. С располагавшихся здесь высот, особенно в районе деревень Кокош, Бельково, Гридино, Батюково и некоторых других, немецкие наблюдатели могли легко просматривать советские позиции на значительную глубину и отслеживать все передвижения по дорогам в оперативном тылу.

Немцы организовали сильно укрепленную сплошную полосу обороны глубиной 10–12 км, которая опиралась на превращенные в опорные пункты деревни и отдельно стоящие строения. Например, между деревнями Дешевка и Бельково они подготовили сразу шесть линий траншей. Там, где отсутствовали дома и прочие строения, возводились дзоты на 1–2 амбразуры. Между собой опорные пункты и огневые точки соединялись сплошными линиями траншей и окопов с перекрытиями и без них. Развитая и постоянно улучшавшаяся система ходов сообщений обеспечивала врагу свободное перемещение между оборонительными сооружениями и тылом, позволяла маневрировать живой силой.

Гарнизоны опорных пунктов обычно состояли из 1–2 рот пехоты с 15–18 легкими пулеметами, 8–10 тяжелыми пулеметами, 3–4 ПТО и несколькими 81-мм минометами. Артиллерийские батареи редко меняли свои хорошо оборудованные огневые позиции с сектором обстрела до 270°. Они располагались в орудийных окопах с колодцами для стока воды и с блиндажами, рассчитанными на отделение. Снаряды хранились в отдельных убежищах в особых ящиках размерами 1,5×1×1 метр.

Штабы полков и батальонов обычно размещались в населенных пунктах, офицеры селились в хорошо оборудованных блиндажах, землянках и домах, занимая одну из главных улиц, местному населению запрещалось передвигаться по ней. Офицерские и штабные помещения

обставлялись награбленной у местного населения мебелью, из этого же источника они снабжались предметами быта и утварью. Здесь же размещались радиоустановки, подводилось электричество, питаемое от дизель-генераторов. Улица посыпалась песком и огораживалась узорчатыми заборчиками из березовых кольев. При штабах часто встречались кофейни, где организовывался досуг. Так, впоследствии в Губинке наступавшие красноармейцы обнаружили брошенные немцами все инструменты полкового оркестра[11].

Подходы к немецкой линии обороны прикрывались минимум 4–5 рядами колючей проволоки, в т. ч. с использованием спиралей Бруно. Дзоты простреливали пространство перед укрепленной линией фланкирующим огнем. Так как вода в этой заболоченной местности весной и осенью подходит близко к поверхности, строили их по следующему принципу: на поверхности земли сооружался деревянный сруб с плоской крышей в 4–12 сложенных внахлест накатов из бревен диаметром 25–30 см, между которыми укладывалась земляная прослойка в 10–15 см толщиной. Поверх сруба насыпался большой холм с толщиной обсыпки не менее 80–100 см, который тщательно маскировался под фон окружающей местности. Незасыпанными оставались только амбразуры и вход с обратного ската, что обеспечивало полную скрытность передвижения. Некоторые дзоты усиливались настилами, сложенными из железнодорожных рельс. Огневое взаимодействие отрабатывалось как между опорными пунктами, так и с располагавшимися в ближнем тылу артиллерийскими и минометными батареями.

Отдельные дзоты делались двухэтажными. На возведение нижнего этажа шел кирпич, на который разбирались отдельные сельские строения и печи, а вторым мог быть взятый целиком сруб деревенского дома.

На советские траншеи и окопы у вражеских дзотов смотрели глухие земляные стены, под которыми прятались крепкие срубы с укрытыми в них орудиями и пулеметами. Для разрушения подобного сооружения требовалось прямое попадание мощной авиабомбы или крупнокалиберного снаряда, чего добиться было весьма сложно. Подходы к дзотам прикрывались минными полями и проволочными заграждениями. Иногда оборудовались и ложные дзоты, в то время как основные огневые

точки размещались в окопах с хорошо разветвленной системой ходов сообщений.

Во всех каменных и в части деревянных строений (домах, сараях, церквях, административных зданиях) в подполе оборудовались окопы и артиллерийские позиции для противотанковых орудий, а в стенах на уровне цоколя проделывались бойницы. Передовые открытые артиллерийские позиции прикрывались двойными стенками из бревен, метровое пространство между которыми засыпалось землей и камнями.

Представление об устройстве немецких опорных пунктов дает схема обороны Погорелого Городища. От моста через реку Держа по дороге на Копылово до моста через овраг по дороге на Петровское оборонялись 1-й и 3-й взводы 9-й роты 364-го пп 161-й пд. 1-й взвод оборонял восточную, а 3-й — западную и центральную части Погорелого Городища. Главный немецкий ход сообщения шел вдоль северной и восточной окраин села и связывал блиндажи и огневые точки устроенного здесь опорного пункта. Вдоль реки Горянки шло установленное в один ряд проволочное заграждение, сконструированное из рогаток, и только возле мостов и у выхода из села оно ставилось в два ряда.

Огневые средства гарнизона состояли из трех противотанковых орудий, двух тяжелых и двух легких минометов и 15 пулеметов (пяти тяжелых и 10 легких). Они размещались в блиндажах, а в каменном строении в центре села немцы оборудовали ротный блиндаж. Кроме него в разных местах имелись еще восемь жилых блиндажей. К передовой шли ходы сообщения, заканчивавшиеся одиночными стрелковыми ячейками, а также оборудованными позициями пулеметчиков, гранатометчиков и т. д. Все эти сооружения соединялись между собой системой ходов сообщений.

Землянки располагались, как правило, вдоль главного хода сообщения и связывались между собой телефоном или специальным проводом, на котором развешивались колокольчики, снарядные гильзы или связки пустых консервных банок для сигнализации о тревоге. Землянки-блиндажи устраивались из бревен в один ряд, полы устилались досками, стены оклеивались обоями или марлей, потолок делался дощатым. В землянке устраивались нары, железная печь, окно размерами около

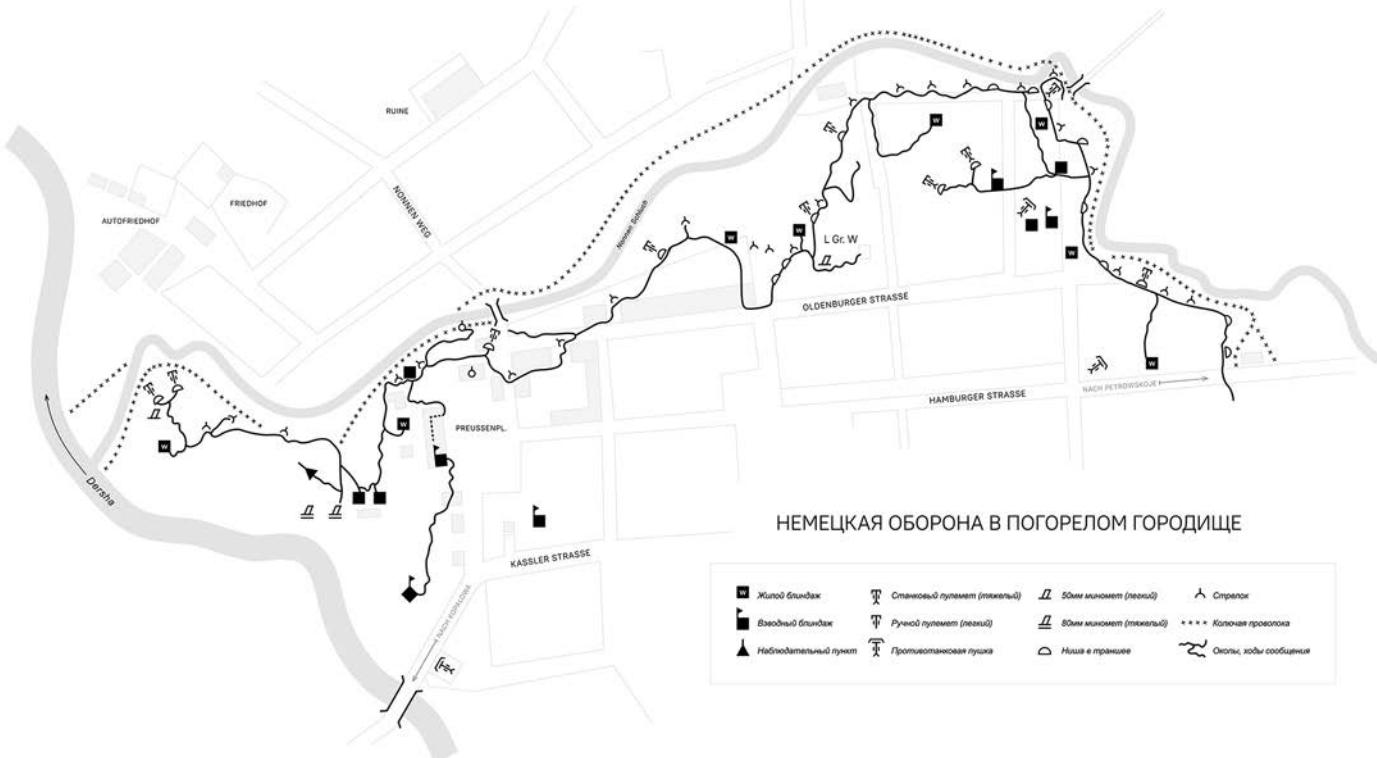

Схема обороны Погорелого Городища
ЦАМО РФ, Ф. 205, Оп. 5, Д. 607, Л. 22

70×100 см, дверь. Сверху делалось перекрытие в 3–4 наката бревен по типу дзотов. Обычно землянки строились размерами 5×7 или 7×10 метров, но последние встречались редко[12].

Немецкие артиллеристы и минометчики тщательно пристреляли на нейтральной полосе все ориентиры. После зимних и весенних боев их было более чем достаточно — повсюду стояла разбитая советская и немецкая техника, возвышались стены разрушенных зданий, торчали обломанные артиллерийским огнем стволы деревьев.

Наблюдение за вражеским передним краем и действия разведки 30-й армии в течение июля позволили выявить на ее участке 559 немецких дзотов и блиндажей, 280 окопов, 23,5 км минированных участков, 7 км противотанковых рвов и 3,5 км лесных завалов. На 1 км, исходя из этих данных, у немцев приходилось 6 дзотов, до 6 блиндажей, до 5 окопов, до 0,6 км проволочных заграждений и до 0,5 км минных полей[13].

В условиях болотистой местности в окрестностях Ржева немцам не составило большого труда плотно прикрыть минными полями и пристрелять практически все сухие участки, на которых советская сторона могла попытаться прорвать оборону 9-й армии. Особое внимание уделялось танкоопасным направлениям.

Плотность минирования была чрезвычайно высокой. Так, для того чтобы проникнуть во вражеские траншеи, одна из действовавших в июле в направлении Клепенино советских разведгрупп вынуждена была разминировать проход протяженностью 200–300 метров — в результате разведчики извлекли до 120 мин. Свои минные постановки немцы называли «адскими садами Ржева», и это были не пустые слова — за всю историю Великой Отечественной войны насчитывались единичные случаи столь плотного минирования.

В основе немецкой обороны лежали не столько сами инженерные сооружения, сколько грамотное использование местности, организация тесного взаимодействия между узлами сопротивления и огонь артиллерийских и минометных батарей, которые заранее пристреливали подходы к минным полям и укреплениям. Немцы чаще всего использовали следующие методы пристрелки:

- на высоких разрывах;
- по наблюдению знаков разрывов;

- с помощью самолета-корректировщика;
- дымовыми снарядами при стрельбе по лесу[14].

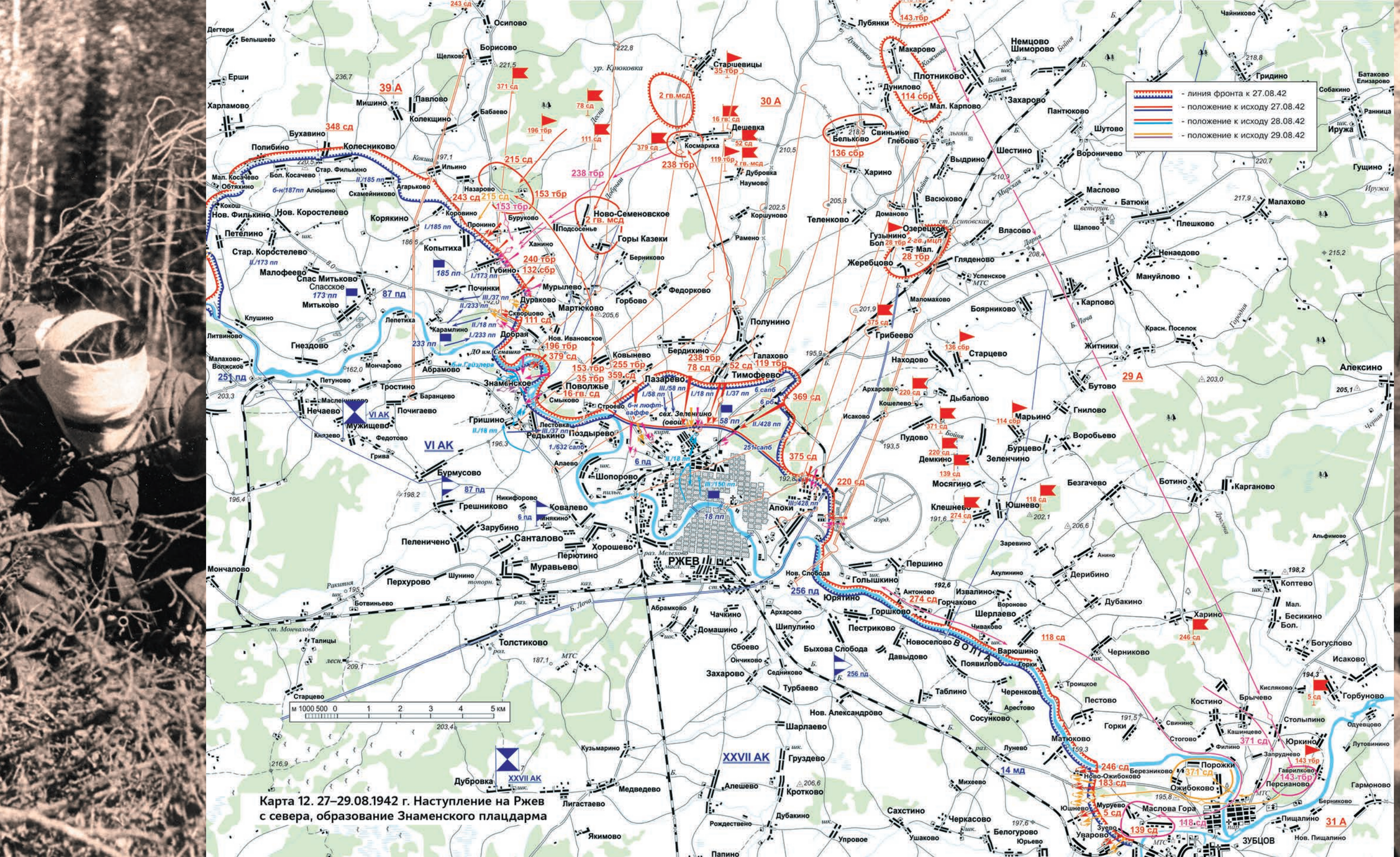
В периоды затишья артиллеристы вермахта активно применяли тактику стрельбы кочующими орудиями с временных, заранее подготовленных огневых позиций. Каждая батарея имела их по 3–4[15].

По переднему краю и населенным пунктам стрельба велась обычно 1–2 батареями или методическим огнем отдельных орудий, чаще всего кочующих. Огонь по позициям советских батарей велся массированными налетами с расходованием 80–100 и даже более снарядов. Нередко такие обстрелы корректировались самолетами-корректировщиками «Хеншель» Hs 126 или взводами звукометрической разведки. Наличие последних установили после захвата в районе села Старое звукостанции[16].

Для возведения резервных оборонительных сооружений в глубоком тылу своих позиций немцы нередко использовали мирное население. Житель оккупированного Ржева Михаил Васильевич Торопченов писал в своем дневнике: *«Жить во Ржеве зимой и весной 1942 года становилось все тяжелее и тяжелее. Голод и болезни (тиф) надвигались неотвратимо. Население выгоняли на разные работы»*[17].

В целях сохранения секретности немецкое командование ужесточало правила ведения переписки для своих солдат. Так, в июле мобилизованный в 6-ю пд художник из Оснабрюка Франц-Йозеф Лангер писал своей невесте: *«К сожалению, теперь ты снова долго будешь ждать мою почту. Недавно ее запретили передавать с отпускниками. Вероятно, потому, что эти письма не сможет схватить цензура»*[18].

В отличие от советских войск КалФ, у немцев не возникало проблем и с доставкой грузов и подкреплений на участок обороны севернее Ржева. В тылу у них на удалении всего 10 км находился Ржев, на южной товарной станции которого разгружались поступавшие по железной дороге грузы. Второй точкой разгрузки являлась находившаяся всего в 10 км западнее города станция Мончалово. Отсюда грузы автотранспортом доставлялись на пункты снабжения армейского и дивизионного подчинения. Для этого немцы восстановили в Ржеве автомобильный мост через Волгу, подорванный советскими саперами при отступлении еще в октябре 1941 года. Железнодорожный мост они восстанавливать не стали.

- линия фронта к 27.08.42
- положение к исходу 27.08.42
- положение к исходу 28.08.42
- положение к исходу 29.08.42
39 А
30 А
29 А
31 А
VI АК
XXVII АК
ВОЛГА
РЖЕВ
ЗУБЦОВ
Осипово
Борисово
Старшевицы
Лубянки
Немцово
Шиморово
Макарово
Плотниково
Дунилово
Мал. Карпово
Захарово
Пантюково
Гридино
Чайниково
Батаково
Елизарово
Собакино
Ранница
Иружа
Гущино
Шутово
Вороничево
Шестино
Выдрино
Свиньино
Бельково
Глебово
Харино
Васюково
Теленково
Коршуново
Горы Казеки
Ново-Семеновское
Подсосенье
Дешевка
Космариха
Дубровка
Наумово
Ильино
Назарово
Коровино
Пронино
Буруково
Ханино
Берниково
Рамено
Доманово
Озерецкое
Гузынино
Жеребцово
Гляденово
Маслово
Батюки
Малахово
Плешково
Щапово
Власово
Ненаедово
Мануйлово
Успенское
МТС
Маломахово
Боярниково
Карпово
Красн. Поселок
Житники
Старцево
Находово
Грибеево
Полунино
Галахово
Тимофеево
Бердихино
Ковынево
Федорково
Горбово
Мартюково
Дураково
Мурылево
Починки
Губино
Копытиха
Корякино
Коробово
Колесниково
Бухавино
Полибино
Мишино
Павлово
Колекщино
Бабаево
Ерши
Харламово
Дегтери
Белышево
Щелково
Старое Коростелево
Малофеево
Спас Митьково
Спасское
Митьково
Нов. Филькино
Нов. Коростелево
Петелино
Мал. Косачево
Бол. Косачево
Обтяжино
Стар. Филькино
Алюшино
Скамейниково
Агарьково
Кокош
Литвиново
Клушино
Гнездово
Малахово-Волжское
Петунино
Мончарово
Абрамово
Тростино
Баранцево
Нечаево
Мужищево
Князево
Федотово
Грива
Масленниково
Знаменское
Смыково
Поволжье
Строево
Лестовка
Редькино
Поздырево
Гришино
Никифорово
Ковалево
Минякино
Зарубино
Санталово
Пеленичево
Перютино
Муравьево
Перхурово
Шунино
Ботвиньево
Мончалово
Талицы
Толстиково
Старцево
Дубровка
Лигастаево
Медведево
Якимово
Папино
Кузьмарино
Шарлаево
Груздево
Алешево
Кротково
Дубакино
Рождествено
Упровое
Сахстино
Черкасово
Ушаково
Белогурово
Юрьево
Нов. Пищалино
Пищалино
Берниково
Гармоново
Персианово
Гаврилково
Запрудново
Юркино
Столыпино
Одуевцово
Лутовинино
Костино
Брычево
Кисляково
Горбуново
Богуслово
Исаково
Коптево
Мал. Бесикино
Бол.
Альфимово
Дериб
Акулинино
Першино
Голышкино
Нов. Слобода
Антоново
Горчаково
Вороново
Извалино
Шерлаево
Чиваково
Варюшино
Горки
Черниково
Троицкое
Пестово
Горки
Черенково
Арестово
Сосунково
Таблино
Турбаево
Седниково
Ончиково
Сбоево
Давыдово
Появилово
Новоселово
Пестриково
Шипулино
Горшково
Архарово
Чачкино
Домашино
Абрамково
Юрятино
Ожибоково
Ново-Ожибоково
Березниково
Порожки
Маслова Гора
Мурыгино
Зуево
Уварово
Юшнево
Ивашково
Ивашково
Ивашково